

*А. И. Роговой (Липовец, Украина)
Н. Н. Богданов (Москва)*

**«КАК БЕЗЗАКОННАЯ КОМЕТА
В КРУГУ РАСЧИСЛЕННОМ СВЕТИЛ...»:
ДВОЮРОДНЫЙ БРАТ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО –
СВЯЩЕННИК ПЁТР ЧЕРНЯК**

Среди украинских родственников Ф. М. Достоевского – потомков его деда по отцовской линии – в настоящее время разработана лишь линия самой младшей его тетки – Феклы. Известно, что в свое время эта Фекла Достоевская вышла замуж за священника Черняка. Надо признать, что ее супруг – священнический сын Иван Стефанович Черняк – был человек оригинальный или, как и теперь говорят в этих краях, «характерник». В 1820 г. за какие-то провинности его исключили из Киевской семинарии, и он перебивался в хоре «добрейшего» митрополита Серапиона, благо имелся певческий талант.¹ Женитьба позволила Ивану определиться диаконом в село Онуфриевку Звенигородского уезда Киевской губернии. Здесь в его семье и родился первенец – сын Петр.²

Супружеский союз Ивана и Феклы Черняков был не так уж и долгов (последние полтора десятка лет о. Иван доживал вдовцом), но зато – даже по меркам семьи священника – он был счастлив детьми, – их было десять!³ Вслед за старшим сыном родились дочери Пелагия (1828) и Елисавета (1832), затем – сыновья Василий (1833), Фома (1836) и умерший в младенчестве Яков (1836). Так же младенцем умерла и дочка Параскева (1838). Остается назвать еще двух дочерей – Анастасию (1835) и самого младшего ребенка в семье – Олимпиаду (1842), бабушку Ф. Г. Добржанского, чтобы список был полным.

Кажется вполне закономерным, что старший сын оригинала и «характерника» Ивана Черняка, к тому же, несущий в себе мятежную кровь Достоевских, вышел фигурой яркой и колоритной. Пойдя по стопам отца, он обратил на себя внимание

еще в стенах Киевской духовной семинарии. Так, например, воспоминания священника В. Радецкого донесли до нас следующий любопытный анекдот:

«В семинарии был Петр Черняк, ученик очень способный, но и большой проказник, весьма часто попадавшийся в разных шалостях инспектору Антонию, человеку весьма строгому <...>. <Ректор семинарии до 1845 г.> Евсей <Ильинский>, щадивший людей способных, часто прощал Черняку его шалости, но однажды рассердился не на шутку и начал распекать Черняка, что называется, на все лады, угрожая ему даже исключением, ежели не исправится. Черняк, выслушав нотацию до конца, подошел близко к Евсею, упал перед ним на колени и так жалобно стал смотреть ему в глаза, не говоря ни слова, что тот наконец рассмеялся, плюнул и сказал: “Ты не Черняк, а Чертяк! Ступай вон и впредь не попадайся!”»⁴

Впрочем, Петр Черняк заслужил свою известность не одними только проказами. Из некролога архиепископа Казанского Антония (Амфитеатрова) можно узнать, что в 1848 г., будучи ректором Киевской духовной семинарии, он продолжил основанные его покойным дядей – проф. Яковом Амфитеатовым – «Беседы сельского священника к прихожанам» и два года печатал там анонимные опыты семинаристов, особенно Петра Черняка.⁵

Действительно, знакомство с текстом «Бесед» создает впечатление, что большая их часть написана каким-то одним человеком. Приведем небольшой фрагмент столь любопытного издания, на наш взгляд, весьма ярко характеризующий их автора. Полагаем, что цитируемый текст был написан именно

Петром Черняком. В нем сельский пастырь разьясняет мирным хлеборобам, как не забывать о духовной жизни в пору напряженных работ полевой страды:

«Видите траву зеленую и цветы прекрасные, – помыслите об украшении церковном и наших священнослужительских ризах, в которых мы совершаем службы Господу ради вас. Смотрите на полные, пожелтевшие колосья пшеницы, – помяните о просфорах, которые бывают в церкви, из которых изъемлетсЯ Агнец Божий, взявляй грехи мира, из которых изъемлютсЯ частицы о здравии и спасении вас живых и за упокой душ отец и братьев ваших, отошедших к Господу. В тихую и ясную ночь видите на небе светлый месяц и ясные звезды, – представляйте себе большие и малые свечи, которые вы, по усердию своему, ставите перед образами церковными, в честь святых угодников Божиих. ПольетсЯ ли с неба дождь обильный, – помяните о воде святого крещения, которою вы крестились в своей церкви для очищения грехов ваших, и опасайтсЯ грешить, потому что в другой раз Церковь не станет вас крестить: дважды она никого не крещает. Подует ли свежий и прохладный ветерок в поле, – рассуждайте о благодати и милости Господней, которую Церковь низводит на вас своими молитвами и священнодействиями. Запоет ли птичка свою утреннюю, или полуденную, или вечернюю песнь, – подумайте, что вы стоите в церкви Божией либо на утрени, либо на обедне, либо на вечерни; или хоть просто припоминайте себе стихи церковные, какие слышите в церкви на утренних, дневных и вечерних службах».⁶

В это время сам Петр Черняк уже служил в Богуславском духовном училище. Вот, что вспоминает известнейший украинский писатель И. С. Нечуй-Левицкий:

«Наш прежний учитель <...> унаследовал парафию своего отца, женился и уехал в Киев поставлятьсЯ в священники. <...> На его место перешел в наш класс (инфиму) из своего подготовительного класса учитель Черняк, высокий, чернявый и с румянцем на щеках. Этот Черняк был тихий и задумчивый человек – никогда не сердился на школяров,

не верещал, будто сумасшедший, как прежний учитель. Он не выдрал розгами ни одного из нас, никогда не сердился, никого не таскал за волосы. В нем была заметна какая-то тонкая деликатность и манеры вельможного пана. На уроках пения по “Обиходу” он сам запевал красивым тенором и вселял желание петь и в нас. Мы с охотою всем классом пели, даже кричали все, будто разгулявшиесЯ девчата на улице вечером.

ПроучившисЯ еще год у Черняка, мы все перешли в следующий класс».⁷

Что ж, Иван Семенович, отличавшиесЯ высокой душевной ранимостью, всю жизнь был известен прямою и резкостью суждений. И если уж он сохранил о своем бывшем учителе столь светлые воспоминания, можно не сомневатсЯ – деликатность того была исключительной! Правда, окончив Богуславское училище, будущий писатель должен был учиться в Киевской семинарии вместе с младшим братом Петра Черняка – Антонием. КажетсЯ невероятным, что его мог не привлечь близкий родственник столь памятного ему человека! Однако в мемуарах Нечуй-Левицкого о младшем Черняке не говоритсЯ ни слова...

Между прочим, в столь деликатном отношении Петра Черняка к своим подопечным, хотя бы он совсем недавно гремел в семинарии буйными подвигами, нет ничего противоречивого. Вспомним, как внимателен, даже нежен к детям был его двоюродный брат – Ф. М. Достоевский, несмотря на всю страстность своего, подчас неукротимого, нрава. Проникновеннейший пример отношения писателя к детям сохранили для нас воспоминания народовольца Ивана Ивановича Попова:

«Летом, в теплые весенние и осенние дни Достоевский любил сидеть в ограде <Владимирской> церкви и смотреть на игры детей. <...> Как-то я подсел к нему на скамью. Перед нами играли дети, и какой-то малютка высыпал из деревянного стакана песок на лежавшую на скамье фалду пальто Достоевского.

– Ну что же мне теперь делать? Испек кулич и поставил на мое пальто. Ведь мне

теперь и встать нельзя, – обратился Достоевский к малютке...

– Сиди, я еще принесу, – ответил малютка.

Достоевский согласился сидеть, а малютка высыпал из разных деревянных стаканчиков, рюмок ему на фалду еще с полдюжины куличей. В это время Достоевский сильно закашлялся, а кашлял он нехорошо, тяжело. <...> Полы пальто скатились с лавки, и “куличи” рассыпались. Достоевский продолжал кашлять. Прибежал малютка.

– А где куличи?

– Я их съел, очень вкусные...

Малютка засмеялся и снова побежал за песком...»⁸

Как согласуется приведенная история с еще одним фрагментом из цитированных выше «Бесед сельского священника»! Здесь автор, убеждая свою паству в том, каким страшным пороком является пьянство, находит в подтверждение своих мыслей совершенно неопровержимый аргумент:

«Видел я однажды, идя по своему делу <..>, как несчастные малютки, полунагие, чуть живые от голода и холода, ползали вокруг упившегося до бесчувствия сонного родителя своего, – и горько заплакал. Бедняжки истощили все детские меры разбудить отца своего (матери у них не было), чтоб сжалился над ними – дал им по кусочку хлеба и согрел их, называли его всеми нежными именами, что могло бы тронуть хоть какое каменное сердце, пробудить даже мертвого, а он не слышит и не чувствует ничего этого. Несчастные дети, видя безуспешность свою, разбрелись по разным углам, и горько-горько плакали, пока наконец и их сон не одолел».⁹

Думается, под этими строчками мог бы подписаться и сам Федор Михайлович...

* * *

Основанное еще в 1818 г. Богуславское духовное училище первоначально размещалось на территории старинного, известного еще с XVI века, Николаевского монастыря. Обитель обосновалась всего в двух верстах от городка, ниже по течению реки Роси. Как водится, училище именовали попросту – «бурсой». Согласно описаниям

того времени, бревенчатый, обшитый тесом дом училища стоял на южном склоне монастырской горки как раз напротив того места, где позже была построена сохранившаяся до наших дней теплая (зимняя) церковь обители. Бурсаки и монастырская братия часто называли дом «темным»: его внешний вид сильно портили почерневшие от снега и дождей некрашенные доски обшивки. Известно также, что помещение училища делилось на две части, в одной располагались две учебные комнаты, в другой – еще одна и общая зала для собраний. Через дорогу стоял домик инспектора, а на восточных и западных склонах холма – пять домиков для учителей и учеников.¹⁰ Река Рось делает в этом месте петлю, образуя обширный, густо заросший ольхою и вербами, луг. В теплое время года здесь все кишело школярами, зубрящими свои уроки или, наоборот, развлекающимися беготней и играми на свежем воздухе.¹¹

К слову сказать, Богуслав может считаться одним из красивейших мест центральной Украины. Конечно, здесь нет тех захватывающих видов, что так поражают пришельцев на берегах Днепра в Киеве или в Каневе, у древнего Георгиевского собора или Шевченковской могилы. Эти места пленяют другой, если так можно выразиться – тихой и интимной красотой. Несущая свои воды в Днепр Рось изливается здесь среди многочисленных валунов, образуя прихотливые каскады, пенные бассейны и тихие заводи. Вид этих мест напоминает село Скалу, только там все выглядит гораздо скромнее. Спустившись к самой воде, можно проникнуться ее негромким журчанием, так умиротворяющим истосковавшуюся по покою душу горожанина. Огромные серые валуны начинают казаться спинами давно вымерших или даже сказочных чудовищ. Пробудившаяся фантазия будоражит чувства: а что, если сейчас кто-нибудь из них шевельнется со всей своей дикой силой и поднимется из воды во весь гигантский рост? Чувствуется, что современная жизнь с ее трескучей, а зачастую и бессмысленной суетой, идет где-то рядом, обходя эти места стороной. Здесь невольно начинаешь

ощущать «колоссальность» времени и всю неспешность его движения. И сами собой приходят мысли о мнимых и подлинных ценностях окружающего нас мира...

Эти места овеяны легендами о старых казацких полковниках, местной уроженке – Марии Богуславке, избавившей от турецкой неволи своих земляков, и юной красавице Оксане Бондаривне, утопившейся в Роси от несчастной любви. По преданию, красота этой девушки приглянулась каневскому старосте Николаю Потоцкому. Однако Оксана уже полюбила другого – молодого местного кузнеца. Да и не стал бы родовитый шляхтич венчаться с дочерью простого бочарника! Камень, с которого бросилась в Рось гордая красавица, не желавшая быть панской наложницей, до сих пор зовется «камнем Бондаривны». В конце января 1821 г. вместе с братьями Давыдовыми из Каменки в Киев через Богуслав проезжал Пушкин.¹² Семь лет спустя, Тарас Шевченко, бывший кучером у попа расположенной неподалеку Кирилловки Григория Кошица, возил сюда на учебу его сына Яся.¹³ Кстати, именно на местной ярмарке, еще ребенком от слепого кобзаря, услышал Шевченко «Думу про Марусю Богуславку».¹⁴ С Богуславом также связаны имена Марко Вовчок, Евгения Кротевича, Федора Бурлаки, Степана Васильченко, Анны Матейко и других деятелей украинской культуры.

Как уже, наверное, догадался читатель, ни одна из первоначальных построек Богуславского училища до наших дней не сохранилась. Еще в 1859 г. епархиальная комиссия во главе с профессором Киевской духовной семинарии Феофаном Лебединцевым постановила, что продолжать учебный процесс в столь ветхих помещениях невозможно. Было принято решение о строительстве нового здания. Ровно через 25 лет, в 1884 году, оно было возведено, но уже гораздо западнее монастырской горки, в черте современного города – между бывшими Хохитвенскою и Кочубеевскою улицами. Здесь когда-то стояли казачьи полки под предводительством знаменитого старшины Самуила Самуся. После

Октябрьской революции в здании бывшего духовного училища обосновалась средняя школа. Ныне вся эта территория занята открытым в 1966 г. Богуславским педагогическим училищем (современный адрес – Интернациональная ул., д. 17).¹⁵ На фасаде главного, новейшего из всех корпусов висит мемориальная доска. Она напоминает о некогда обретавшемся на берегах Роси юном школяре Ване Левицком – будущем писателе Нечуе.

Впрочем, Петр Черняк недолго учительствовал в Богуславе. По свидетельству того же И. С. Нечуй-Левицкого, в духовных школах учителям платилось ничтожно малое жалование, и те, у кого была возможность, переходили в священники. Каковы бы ни были причины, но 19 ноября 1849 года молодой учитель навсегда покидает Богуславскую бурсу.¹⁶ Его следы скоро обнаруживаются в лежащем восточнее Богуслава селе Пастырском Чигиринского уезда (между местечком Шпола и знаменитой по именам декабристов и Пушкина Каменкой). 2 февраля 1850 г. Петр Черняк рукополагается в священники местной церкви Св. Димитрия.¹⁷ Интересно, что с октября 1849 г. в каких-нибудь 50 верстах к югу от этих мест – в Елисаветграде – должность городского архитектора исправляет... Андрей Михайлович Достоевский.¹⁸ Но судьба не даровала родственникам встречу, подобную той, что, как мы уже знаем, случится весной 1859 г. у городничего Кавецкого в Мелитополе... Между прочим, супруга младшего брата писателя – Домника Ивановна Федорченко была уроженкой Богуслава!

Согласно Лаврентию Похилевичу, издавшему в 1864 г. замечательные «Сказания о населенных местностях Киевской губернии», «в самом названии селения <Пастырское> слышится что-то духовное. Действительно, старожилы утверждают, что в урочище, ныне известном под названием Паланки, занятом садом крестьянина, жили некогда монахи. <...> О населенности этого места в отдаленную эпоху свидетельствуют также многочисленные окопы и валы в окрестных

лесах, по-видимому, еще не существовавших во время построения этих земляных насыпей».¹⁹

Увы, большего об истории этих мест Похилевичу узнать не удалось. Однако с уверенностью можно полагать, что упомянутая им обитель, некогда существовавшая близ села, в свое время входила в систему монастырей, основанных в этих местах выходцами из восточных областей Украины.

«Выходцы эти, – сообщает Михаил Коялович, – устроили по западной стороне Днепра свою сторожевую линию для охраны и оживления православия. По этому берегу южнее Киева, особенно против Переяслава, в лесах был ряд монастырей, в которых народ Западной Малороссии находил удовлетворение своим духовным потребностям, когда не мог идти за Днепр, и в которых утверждались прежде всего проповедники православия и переселенцы, выходившие в западную Малороссию из-за Днепра».²⁰

Самыми значительными в этой сторожевой цепи были Мотренинская обитель близ Жаботина (с 1753 г. во главе ее братии стоял один из самых знаменитых подвижников благочестия на Украине Мельхиседек Яворский) и располагавшийся ближе к Киеву Мошногорский монастырь.²¹

Возведенная еще до 1766 г. деревянная церковь села Пастырское была весьма ветха – в 1860 г., при значительном пожертвовании местного помещика Льва Осиповича Поджио, пришлось возводить новую. По штату 1842 г. она была приписана к V классу, при ней числилась 41 дес. земли.²² Служение Петра Черняка было здесь недолгим – через два года молодой священник поменял эту глушь на большое и богатое село Борщаговку Сквирского уезда.

С Борщаговкой связан один из самых кровавых эпизодов истории Украины – летом 1708 г. здесь был казнен (точнее сказать, злодейски умерщвлен) генеральный судья Василий Леонтьевич Кочубей. Невольно вспоминается описание этих событий в пушкинской поэме «Полтава».

Деревянная Успенская церковь в

Борщаговке постройки 1736 г. причислялась к VI классу. Для нужд священника отводились 54 дес. земли.²³ Здесь у Петра Ивановича и Анисьи Федоровны Черняков родились два старших ребенка – сыновья Александр (1852) и Виктор (1854).²⁴ Как складывалась жизнь местного пастыря в этих краях, неизвестно, но только тут прослужил он дольше всего – целых семь лет! И все же в 1859 г. о. Петр переходит в лежащее южнее Борщаговки, куда более скромное село Новоселку Липовецкого уезда.²⁵ Быть может, его привлекла фигура местного помещика? Еще с 1815 г. Новоселкой владел отставной поручик Михаил Осипович Залевский.²⁶ Или беспокойный характер толкал к перемене среды обитания? Местная Всехсвятская церковь была возведена всего за год до прихода нового священника.²⁷ При ней в 1860 г. о. Петр открывает приходскую школу, через два года здесь буду учиться 14 мальчиков и 21 девочка.²⁸ Однако уже с 19 марта 1863 г. в Новоселках служит другой священник – о. Иаков Дашков.²⁹

А где же о. Петр? Согласно «Списку лиц, служащих по духовному и духовно-учебному ведомству в Киевской епархии» на 1863 г. он числится священником Покровской церкви с. Сердюковки Черкасского уезда Киевской губернии.³⁰ Однако этот факт отсутствует в его послужном списке, думается, достаточно точно зафиксированном клировой ведомостью.³¹ Возможно, только лишь планируемое назначение по каким-то причинам не состоялось. Между тем, 19 февраля 1864 г. мы видим Петра Черняка уже в самом Киеве и не где-нибудь, а в кафедральном Софийском соборе!³² Увы, блестящей духовной карьере не суждено было состояться. Новый священник не выдержал здесь и полутора лет. Причины его удаления пока неизвестны, но с этого времени жизнь Петра Черняка начинает неуклонно катиться к трагической развязке.

12 июля 1865 г. о. Петр определяется в забытую Богом Писаревку Звенигородского уезда, располагающуюся чуть южнее Медвина. И то сказать – полтора верст от Киева!³³ Сельская церковь, причисленная к VII классу, в 1852 г. подверглась

капитальному ремонту и была поднята на каменный фундамент. Однако известно, что жалование приписанного к ней священника составляло прямо-таки унижительную для него сумму – 78 руб. 50 коп. Должность дьячка с жалованием 35 руб. 28 коп. здесь исполнял 50-летний Григорий Фомич Петрушевский, имевший 4 детей. Старостой при церкви числился Никита Грищенко. С 1859 г. в Писаревке действовало приходское училище, где училось 20 мальчиков и 5 девочек, что даже много для такой глухомани.³⁴ В «Списке лиц, служащих по духовному и духовно-учебному ведомству в Киевской епархии» на 1867 г. Петр Черняк еще значится как священник (причем – со званием студента) Покровской церкви села Писаревка.³⁵ Однако с 24 июня церковную службу здесь правит уже о. Виктор Калиновский. И только 17 августа 1867 г. «безместного» Петра Черняка определяют в село Шаулиху Уманского уезда.³⁶

Такое назначение еще более походит на ссылку – с 1855 г. здешняя Свято-Михайловская церковь вообще лишена штата. Правда, в 1861 г. «тщанием прихожан» возвели ее новое здание, но жалование священнику здесь все равно не положено. «Содержание его бедно», – бесстрастно констатируют клировые ведомости. Жить и то приходится в «общественном» доме, расположенном за версту от церкви; земли же при ней – всего полдесятины. Даже книг в церковной библиотеке не имеется! К тому же о. Петр уже вдов. Видимо, его жена Анисия Федоровна скончалась вскорости после рождения в 1864 г. третьего ребенка – дочки Матроны. Судя по всему, у несчастного вдовца сразу начинаются конфликты с прихожанами. Так, несмотря на то, что церковный староста Косьма Герасимов Милский «должность свою проходит исправно», буквально в следующем году его меняют на Павла Нещадника.³⁷ Увы, и самому Петру Черняку служить здесь уже совсем недолго: с самого начала января 1870 г. в актовых книгах исчезают его подписи, а с 27 марта – и самое имя.³⁸ Начиная с 12 июня церковные таинства временно творит

Александр Киш, пока, наконец, в сентябре того же года не присылают нового священника Иеронима Голятовского.³⁹

Исчезновение Петра Черняка выглядит совершенно загадочным – постригся в монахи, ушел к штундистам, запил горькую, ударился в блуд и лишился сана? Однозначно зловещий оттенок чему-то произошедшему придает упорное молчание Киевских епархиальных ведомостей. Обычно они весьма скрупулезно фиксируют все перемещения местных священников. Несомненно одно – о. Петр не умер, ибо в таком случае при церкви, на попечении нового священника, остались бы его несовершеннолетние дети – два сына и совсем еще маленькая дочь. Однако все они исчезают из Шаулихи вместе с отцом...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный государственный исторический архив Украины, Киев (ЦГИАК). Ф. 127. Оп. 1009. Д. 948.

² Там же.

³ ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 104. Д. 1795. См. также: Киевские епархиальные ведомости. 1884. № 23. С. 1056.

⁴ Радецкий В. Киевская духовная семинария в первой половине XIX столетия // Украина. 1907. № 10. С. 196 – 197. Сообщено А. Н. Макаровым, Киев. Пользуясь случаем, выражаем глубокую признательность замечательному знатоку киевской старины Анатолию Николаевичу Макарову за редкую для современных исследователей готовность поделиться имеющейся в его распоряжении информацией.

⁵ Киевские епархиальные ведомости. 1879. № 49. С. 5. (Сообщено А. Н. Макаровым, Киев).

⁶ Беседы сельского священника к прихожанам архимандрита Антония. СПб. 1852. С. 4 – 6.

⁷ Нечуй-Левицький І. С. Уривки з мопх мемуарів та згадок // Збрання творів у десяти томах. Київ: Наукова думка, 1968. Т. 10. С. 38. Перевод с украинского Н. Н. Богданова.

⁸ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М. 1964. Т. 2. С. 426 – 427.

⁹ Беседы сельского священника к прихожанам. С. 230.

¹⁰ Ніколенко І. Богуславщина. Нариси з історії краю. Богуслав, 1994. С. 39, 60 – 61. Авторы выражают искреннюю благодарность научному сотруднику Богуславского краеведческого музея Татьяне Яковлевне Волощенко за неоценимую помощь в сборе материалов о городе Богуславе и его духовном училище.

¹¹По свидетельству Лаврентия Похилевича (ссылку на источник см. ниже) в училище было до 80 учеников при 5 учителях, тогда как число монахов в монастыре не превышало 18 человек.

¹²Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Л. 1991. С. 256.

¹³*Николенко И.* Богуславщина. С.35. Кирилловка ныне переименована в Шевченково.

¹⁴Шевченко родился недалеко от Богуслава в селе Моринцы.

¹⁵*Николенко И.* Богуславщина. С. 43; 60 – 61.

¹⁶ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1011. Д. 668. Л. 320.

¹⁷Там же.

¹⁸См.: Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского. Л., 1930. С. 214 – 249.

¹⁹*Похилевич Л.* Сказания о населенных местностях Киевской губернии. Киев, 1864. С. 708.

²⁰*Коялович М.* История воссоединения западнорусских униатов. Минск, 1999. С. 15.

²¹Там же. С. 19 – 23.

²²*Похилевич Л.* Сказания о населенных местностях Киевской губернии. С. 708.

²³ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1011. Д. 3179. Л. 585 – 586.

²⁴Там же.

²⁵Там же.

²⁶Там же.

²⁷Там же.

²⁸Там же.

²⁹Там же.

³⁰Сообщено А. Н. Макаровым.

³¹ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1011. Д. 3318. Л. 88 – 89.

³²Там же.

³³*Похилевич Л.* Сказания о населенных местностях Киевской губернии. С. 393.

³⁴ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1011. Д. 668. Л. 320 – 321.

³⁵Сообщено А. Н. Макаровым.

³⁶Киевские епархиальные ведомости. 1867. № 21. С. 194. Между прочим, Шаулиха располагается всего лишь в семи верстах от Онуфриевки – места рождения Петра Черняка.

³⁷ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1011. Д. 3179. Л. 585 об.

³⁸Там же. Д. 3318. Л. 88 об.

³⁹Там же. Д. 3319. Л. 85.